

Тальников Д. <Шпитальников Д.Л.> Неосуществившийся роман Чехова и Комиссаржевской // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1940. 7 апреля. № 9922. С. 2.

Неосуществившийся роман Чехова и Комиссаржевской

Неопубликованная переписка великого писателя и замечательной артистки*).

1.

Актриса и писатель были не только современниками, принадлежавшими к одному поколению. Они не только дышали одной эпохой, но и жили в одном мире творческих идей, — в большой мере были «родственными душами». Единство взглядов и исканий сближает этих двух художников.

Замечательная актриса в искусстве сцени являла собой те идеи, которые в литературе нес А. П. Чехов. Это была прежде всего решительная борьба с натурализмом. Вспомни, как Горький в этом смысле писал Чехову о том, что последний «убивает реализм» (бытовизм). Отсюда на известном этапе и увлечение обоим символизмом («театр на Офицерской» у Комиссаржевской, тяготение Чехова одно время к Матерьянку). Это было и искание «новых форм» в искусстве, о которых так автобиографически для Чехова говорит герой его пьесы Третьев. Эти «новые формы» нужны были для выражения нового содержания.

Чайки стонут перед бурей... — писал в эти годы Горький. Комиссаржевская не только стон этот выразила в своем творчестве, но и борьбу с враждебными стихиями, протест взволнованного и мятежного духа. Основной мотив чеховского творчества, как вскоре это выяснилось, воспринимался поколением не только как беспроблемная «чеховщина», но и как призыв к грядущим «бурям», о которых говорил Тузенбах.

Родственность обоих казалась в личных, их исключительно привлекательных чертах и в их творческой судьбе. Эта судьба бросила их однажды навстречу друг другу в такой критический момент, как первая постановка на сцене «Чайки»: ведь речь шла не более не менее, как о становлении «новой драмы» и «новой артистки» в русском театре.

Они как будто почувствовали на миг друг друга — и, не сказав ничего, не сказав главного слова, разошлись в разные стороны.

Через много лет артистка вспомнила об этой первой встрече, в существе своем и форме представлявшей полудлинную новеллу чеховского типа: «Тогда я играла Чайку. Стояла я в темной кулисе — это была я, а сейчас пойду туда и буду — Чайка... А он подошел и сказал: «У моей Нины были такие же глаза, как у вас». И ушел...».

Это был первый сезон Комиссаржевской в Александринке. Перед «Чайкой» артистка сыграла здесь свою прекрасную роль Клерхен в «Гибели Содомы», и Чехов, вероятно, видел этот спектакль.

Мало кому известно, что «Чайка» уже со второго спектакля в Александринском театре была реабилитировка и имела большой успех. Первое письмо Комиссаржевской к Чехову — 21 октября 1896 г.:

«Сейчас вернулась из театра, наша взята. Успех полный, единодушный... Ваша, — нет, наша «Чайка» — потому что я срослась с ней душой, навек — жива, страдает и верует так горячо, что многих уверовать заставит».

«Наша «Чайка» — актриса с полным основанием могла сказать. Это было торжество, их обоих — «новой» актрисы и творца «новой» драмы. Их крепко соединило общее дело.

2.

Немного писем Комиссаржевской к Чехову, неопубликованные, хранятся сейчас в рукописном отделе Ленинской библиотеки, в «Архиве Чехова». Выдержки из этого архива отчасти просочились в печать. Сейчас выпущен в издании Ленинской библиотеки и аннотированный список этих писем.

Ознакомление с этими письмами проливает своеобразный свет на этот интереснейший эпизод в биографии замечательной актрисы и замечательного писателя.

Первое неопубликованное письмо В. Ф. относится к концу февраля 1897 г. Итак, прошло более 4 месяцев со дня первой встречи. В. Ф. сообщает,

Но и это свидание не состоялось.

Во второй свой зимний сезон в Александринке Комиссаржевская сыграла Сашеньку в «Иванове» (после «Чайки» театр возвращается, как мы видим, к Чехову), и вскоре серьезная и мучительная болезнь приковала ее к постели на пол года (с октября 1897 г. по март 1898 г.).

Переписка возобновляется лишь зимой. Комиссаржевская настойчиво умоляет Чехова зайти в Ростове к врачу Васильеву, которого очень хвалит. Ее беспокоит его болезнь. «Вы пишете: сделайте, сделайте, сделайте, — отвечает ей глубоко тронутый Чехов из Ялты (2/XI 1898 г.). — Вы добрая, добрая... тысячу раз!» И просит снова прислать ему в Ялту свою какую-либо фотографическую карточку: «не отказывайте мне в этом. Вы знаете, как я отношусь к вам и стало быть поймете, как был рад получить от вас письмо...». И, как всегда, интересуется состоянием ее здоровья: «я постоянно спрашиваю об этом у своих петербургских знакомых».

В январе 1899 г. Комиссаржевская сообщает Чехову о своем «прямо угнетенном состоянии души»:

«И оттого я не пишу... «Я играю без конца, играю вещи, очень мало говорящие уму и почти ничего душе... И если и был там какой-нибудь родничок, то он скоро изсякнет. Успех при этом имею огромный и сильно понимаю в чем же дело... Чехов горячо откликается на

творческое беспокойство Комиссаржевской:

«Вы превосходная артистка, только жаль, что нет у вас подходящего амплуа, нет театра, нет товарищей. Вам бы хоть в Москву, в Малый театр. Тут все-таки на искусство похоже и между артистами не мало хороших людей! В Москве вы имели бы громадный успех, вообразить даже трудно»...

3.

9/IV — 1900 г. В. Ф. сообщает Чехову о слухах, будто он не даст «Дяди Ваня» в Александринский театр.

«Я боюсь этому верить, — так мне хочется сыграть Соню, а вы должны мне сейчас же написать, правда ли это, и если да, то отчего. Сделайте это, я очень прошу. Да?».

Чехов уже связан с Художественным театром, пьеса туда отдана.

В июле 1900 г. (до 5 авг.) Киппер гостит в доме Чеховых в Ялте и Гурзуфе, и здесь наступают решающие дни их отношений.

1 августа 1900 г. Комиссаржевская присылает Чехову

письмо: «Я приехала на несколько дней в Ялту, живу в Массандре и мне было бы очень грустно не увидеть вас хоть на минутку...». 3 августа В. Ф. приехала в Гурзуф и здесь встретила с Чеховым.

После «Чайки», так связанной в прошлом, после редкой переписки, оба впервые встретились — и при таких сложных и новых обстоятельствах. В эту встречу Чехов подарил В. Ф. свою карточку, всегда висевшую возле себя в кабинете, с надписью: «3 августа, в бурный день, когда шумело море, от тихого Антона Чехова». И, может быть, в этот же день Комиссаржевская в ответ дала свою (третью) карточку на память о «Гибели Содомы» и о себе.

К 7 августа относится телеграмма Комиссаржевской: — «Ждала два дня едем завтра парохомом Ялту огорчена вашей недогадливостью — найдите ли вы ответе Гранд-Отель».

Для В. Ф. так много ожидавшей от этой встречи и, видимо, имевшей к этому известные основания, «недогадливость» Чехова осталась в это

время непонятной. Глубокий свет на то, что происходило на памятном свидании 3 августа, проливает очень интересное, находящееся в архиве, письмо Комиссаржевской, датированное тем же числом, написанное по приезде домой. Оно рисует всю эту сцену тонкими психологическими чертами, характерными для восприятия Комиссаржевской жизненных явлений.

«Все-таки я рада, что поехала в Гурзуф, и хочу вот в письме сказать вам еще раз до свидания. «Все-таки», я говорю потому, что мне жаль, и непонятно, почему мы с вами так мало говорили. Я не таким ждала вас встретить. Мне казалось, что когда вас увижу, то задаю вопросы и сама скажу хоть что-нибудь. Это не вышло. Вы были все время какой-то «спеленутой». А может быть, причина лежала во мне. Знаете, это ужасно странно, но мне все время было жаль вас, жаль до грусти. А еще что-то неудовольствие было все время в вас, чему я не верю, и казалось, вот-вот какое-то движение надо сделать, и это неудовольствие уйдет. А в результате очень много у меня к вам хорошего чувства, и вы на него дайте мне одно — будьте со мной всегда при всевозможных условиях искренни до дна. Понимаете, не откровенности я хочу, а искренности. Это не так легко, как кажется, оттого я и прошу у вас этого. До свидания, не забудьте меня».

Чехов ответил на это письмо из Ялты (25/XII 1900 г.) по петербургскому адресу, однако никак не объяснив свою «спеленутость» и «тихость». «Чрезмерная деликатность» Чехова, нежелание правдой огорчать, очевидно, мешали ему это сделать.

«Вы сердитесь — но что делать? Время наших неудач и недоразумений, очевидно, еще продолжается», — так начинает свой ответ. Тут же он сообщает, что на фотографии она вышла «грустной, грустной!». А заканчивается письмо тоже серьезно и со значительным по-чеховски — подтекстом: «В Ялте холодно, море серое! Будьте здоровы и счастливы, да хранит вас Бог. Не сердитесь на меня».

Это было прощание.

Ответ Комиссаржевской — тоже прощание:

«Я на вас не серджусь — это не то слово. Когда я думаю о вашей жизни, как она течет сейчас, у меня сердце сжимается. Хотелось бы послать вам хоть грубый эскиз той картины, что может интересовать вас, но, увы, во-первых, нет таланта, а во-вторых, круг моих «занятий», впечатлений, встреч и т. д. так заметно суживается, что странно, не задушил бы он меня самое. Это не так трудно, как кажется».

6 июня 1902 г. Комиссаржевская подала заявление директору императорских театров об уходе своем из Александринки.

10/VI 1902 г. Чехов пишет

из Москвы сестре Марии Павловне о том, что здесь Комиссаржевская. «Вчера она была у нас. Играет она в аквариуме. С ней ведут переговоры о переезде ее в Художественный театр, но она едва ли согласится». В записке Чехову В. Ф. пишет в эти дни: «Я не приеду сегодня, А. П., потому что играю вечером «Огни» бронетой и должна заняться крашением волос. Может быть, завтра можно».

Уйдя из Александринки осенью 1902 г., Комиссаржевская отправилась в большую двухгодичную гастрольную поездку по России. В этой поездке она сыграла с исключительной силой роль Соли в «Дяде Ване», которую ей так «хотелось» сыграть еще в 1900 г.

В январе 1903 г., полная мечтаний о создании своего собственного театра, Комиссаржевская пишет Чехову значительное письмо:

«А. П. здравствуйте. Вы, конечно, забыли, что я есть на свете, а я существую, да еще как! Вышла на-днях вашу жену и пороздбалась, что она так поправилась. Начиная с того, чтобы быть нами встреченной совсем приятливо».

Итак, с личным было совсем покончено. В. Ф., полная необыкновенной творческой новизны, стоя у входа в новое, неизвестное будущее, писала Чехову:

«Вы, вероятно, слышали о моей глупой затее — открыть в Петербурге театр. Это почти уже кончено. Я делаю эту глупость, как называют это мои друзья. А я не могу, не хочу думать, как это называется. В моей душе сейчас такой прилив энергии. Иду я с верой, с той верой, которая если разобьется, убьет во мне все, с чем только и имеет для меня смысл жизни. Значит, о чем говорить? Все это предельное не интересно для вас. Вы видите само, значит, пусть останется».

Далее идет просьба:

«Вы мне должны помочь, именно вы и именно должны. Обещайте дать вашу новую пьесу в мой театр в Петербурге. Ведь вы же понимаете, как это мне нужно, и что вы для меня этим сделаете. В мое художественное чутье, вы, знаю, верите».

Речь идет о будущем «Винном саду».

Проходит почти год. 29/XII 1903 г. Комиссаржевская опять пишет о том же Чехову, волнуясь и умоляя:

«Я открываю театр в Петербурге. Я хочу, чтобы открытие это было связано с вашим именем. Прошу вас, дайте ваш «Винный сад». Я им открою. Я знаю, что нам хочется отдать его в Александринский театр, что бы играла Саша. Роль очень ей подойдет и сыграет она ее хорошо. Но вы, именно вы, не сможете же не помочь мне в этом безумно трудном деле. Мне ли надо вам говорить, сколько у меня врагов. Но есть такие люди, которые, я верю, помогут мне осуществить то, чтобы сбилось лучшее во мне. Я хочу, я должна, чтобы вы были первыми, но я не буду больше ничего говорить. Вы должны почувствовать, как я волнуюсь и как мне нужно ваше слово и согласие. Напишите мне что-нибудь».

Комиссаржевская вкладывала в новый театр всю веру, все силы, все заработанные тяжелым трудом актрисы деньги, всю себя.

Через 6 месяцев Чехов умер. 17 октября 1904 г. открылся новый театр Комиссаржевской и «Пассажа» — началась ее новая жизнь в творчестве. Комиссаржевская умерла через шесть лет после смерти писателя — шесть бурных лет, наполненных огромной творческой энергией. Ее «хвятило» — вопреки предсказанию Чехова — больше чем «на один месяц», и «интерес к театру» не пропал ни у ее современников, ни у историков. На сцене этого театра Комиссаржевская раскрылась в новых, Чехову еще неизвестных, сторонах своего замечательного таланта.

Отлучали изволнованные страсти человеческие. Для писателя и актрисы наступала история.

Д. Гальперин.

из Москвы сестре Марии Павловне о том, что здесь Комиссаржевская. «Вчера она была у нас. Играет она в аквариуме. С ней ведут переговоры о переезде ее в Художественный театр, но она едва ли согласится». В записке Чехову В. Ф. пишет в эти дни: «Я не приеду сегодня, А. П., потому что играю вечером «Огни» бронетой и должна заняться крашением волос. Может быть, завтра можно».

Уйдя из Александринки осенью 1902 г., Комиссаржевская отправилась в большую двухгодичную гастрольную поездку по России. В этой поездке она сыграла с исключительной силой роль Соли в «Дяде Ване», которую ей так «хотелось» сыграть еще в 1900 г.

В январе 1903 г., полная мечтаний о создании своего собственного театра, Комиссаржевская пишет Чехову значительное письмо:

«А. П. здравствуйте. Вы, конечно, забыли, что я есть на свете, а я существую, да еще как! Вышла на-днях вашу жену и пороздбалась, что она так поправилась. Начиная с того, чтобы быть нами встреченной совсем приятливо».

Итак, с личным было совсем покончено. В. Ф., полная необыкновенной творческой новизны, стоя у входа в новое, неизвестное будущее, писала Чехову:

«Вы, вероятно, слышали о моей глупой затее — открыть в Петербурге театр. Это почти уже кончено. Я делаю эту глупость, как называют это мои друзья. А я не могу, не хочу думать, как это называется. В моей душе сейчас такой прилив энергии. Иду я с верой, с той верой, которая если разобьется, убьет во мне все, с чем только и имеет для меня смысл жизни. Значит, о чем говорить? Все это предельное не интересно для вас. Вы видите само, значит, пусть останется».

Далее идет просьба:

«Вы мне должны помочь, именно вы и именно должны. Обещайте дать вашу новую пьесу в мой театр в Петербурге. Ведь вы же понимаете, как это мне нужно, и что вы для меня этим сделаете. В мое художественное чутье, вы, знаю, верите».

Речь идет о будущем «Винном саду».

Проходит почти год. 29/XII 1903 г. Комиссаржевская опять пишет о том же Чехову, волнуясь и умоляя:

«Я открываю театр в Петербурге. Я хочу, чтобы открытие это было связано с вашим именем. Прошу вас, дайте ваш «Винный сад». Я им открою. Я знаю, что нам хочется отдать его в Александринский театр, что бы играла Саша. Роль очень ей подойдет и сыграет она ее хорошо. Но вы, именно вы, не сможете же не помочь мне в этом безумно трудном деле. Мне ли надо вам говорить, сколько у меня врагов. Но есть такие люди, которые, я верю, помогут мне осуществить то, чтобы сбилось лучшее во мне. Я хочу, я должна, чтобы вы были первыми, но я не буду больше ничего говорить. Вы должны почувствовать, как я волнуюсь и как мне нужно ваше слово и согласие. Напишите мне что-нибудь».

Комиссаржевская вкладывала в новый театр всю веру, все силы, все заработанные тяжелым трудом актрисы деньги, всю себя.

Через 6 месяцев Чехов умер. 17 октября 1904 г. открылся новый театр Комиссаржевской и «Пассажа» — началась ее новая жизнь в творчестве. Комиссаржевская умерла через шесть лет после смерти писателя — шесть бурных лет, наполненных огромной творческой энергией. Ее «хвятило» — вопреки предсказанию Чехова — больше чем «на один месяц», и «интерес к театру» не пропал ни у ее современников, ни у историков. На сцене этого театра Комиссаржевская раскрылась в новых, Чехову еще неизвестных, сторонах своего замечательного таланта.

Отлучали изволнованные страсти человеческие. Для писателя и актрисы наступала история.

Д. Гальперин.